

В. Г. Белинский

**Аристократка, быль...
рассказанная Л.
Брантом**

Виссарион Григорьевич Белинский

Аристократка, быль...

рассказанная Л. Брантом

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2858175

Аннотация

«...Кто желал бы почему-либо короче познакомиться с новым произведением г. Бранта, тому мы должны сказать еще, что в этом произведении нет даже тех простодушных, неумышленных обмолвок, которые иногда встречаются в сочинениях такого рода и под веселый час срывают невольную улыбку: здесь все чистенько, гладенько, отделано с рачительностью самой терпеливой бездарности и оттого чрезвычайно пошло...»

Виссарион Григорьевич Белинский

Аристократка, быль...

рассказанная Л. Брантом

*АРИСТОКРАТКА, быль недавних времен,
рассказанная Л. Брантом. 1843. Санкт-Петербург.
В тип. Бородина и К°. В 8-ю д. л. 155 стр.*

Все жалуются на непрерывное размножение плохих «сочинений» в русской литературе, и эти жалобы всегда наводят на размышление о причинах такого горестного размножения. Некоторые из этих причин кроются очень глубоко, и говорить о них в короткой журнальной рецензии невозможно; другие, ближайшие, очевидны. Их-то мы и хотели бы показать читателям. Побуждений, которые заставляют у нас сочинительствовать людей без призвания, без образованности, без всего, что нужно для занятия литературою, – таких побуждений два: «деньги» и собственно так называемое, внутреннее самолюбием, желание печататься, слыть «сочинителем». По первому побуждению действуют люди с более или менее замечательным практическим рассудком и направлением чисто промышленным. Человек, перебивавший, может быть, на всех поприщах деятельности, долго и внимательно

присматривавшийся ко всем доступным ему родам занятий, с одною ни на миг не покидавшею его мыслью, где бы вернее и легче зашибить копейку, почему-либо разочтет, что быть сочинителем выгоднее, чем переписывать отношения, торговать пряными кореньями, обучать юношество грамматике и «российской словесности» или рисовать вывески для мелочных лавок, — и вот он сочинитель. Бесстрашно бросается он на тот род литературных произведений, который преимущественно читается (а иногда и на все роды вдруг), и небу жарко от трескотни его крепкого пера, и полки книжных лавок ломаются под тяжестью быстро производимых им огромных томов книжного товара. Если, несмотря на остервенение, с которым он напал на литературу, первые попытки окажутся неудачными, то есть не доставят ему существенной выгоды — денег, он смиренно идет на иное поприще, уступая место другому. Но если удача, которой так нетрудно, при некоторых условиях, достигнуть в нашей литературе, увенчает труды его, он навек остается сочинителем, и никакие преследования критики не выживут его из литературы. Брань журналов, если она не наносит существенного вреда сбыту его сочинений, он переносит в молчании, с стоическим хладнокровием. Она даже не сердит его внутренно: он человек добрый и нередко сознающийся в своей слабости. Под веселый час он, пожалуй, и сам вместе с вами будет смеяться над своими сочинениями и над публикой, которая их покупает. Печатные отречения от своих мнений, вторичные обращения к

ним и потом новые отречения – для него нипочем. Только при сильных наступательных действиях критики, которая в том кругу, где она употребляется, известна под именем «битья по карманам», сердце его судорожно сжимается, и голос издает звуки, подобные тем, какие в старину можно было слышать в глухую полночь на большой муромской дороге... Такого рода сочинителей очень много; они, как известно, разделяются на разные классы: много таких, которые тысячами считают свои доходы и давно уже в печати усвоили себе название «заслуженных литераторов» и титул «почтеннейших»; но еще больше таких, которые таятся бог знает в каком литературном захолустье и приводятся в движение не совсем-то щедрым великодушием книгопродавцев толкучего рынка. К тому же разряду принадлежат господа, посвящающие свои книги «благодетелям», «сиятельствам», «превосходительствам», в знак душевного уважения, отменной пресмыкаемости, глубочайшей преданности и других похвальных чувств. Совершенно противное явление представляет принадлежащий ко второму разряду сочинитель – сочинитель по страсти к сочинительству. Это существо в высшей степени странное, мелкое по природе, великое для самого себя, жалкое для других, самолюбивое, раздражительное, лишенное малейшей способности сознавать свои недостатки, грубо и неисправимо ослепленное самим собою. Однажды навсегда во глубине души своей решив утвердительно вопрос о своей гениальности, маленький-великий человек

спит и видит себя сочинителем. И, боже мой! чего бы он не дал, на что бы не решился, только бы видеть поскорее осуществление безумных грез своих! Каждая строка, каждая буква, которую он написал, кажется ему чем-то важным; как ребенок с игрушкой, как помешанный с пунктом своего помешательства, носится он с жалким своим сочиненьищем: не надышит на него, не нарадуется; не доест, не доспит, только бы покрасивее его напечатать; обобьет пороги в типографию, где оно печатается, беспрестанно справляясь «скоро ли», любясь на корректурные листы и «задавая тону» перед типографскими рабочими. А как шибко бьется самолюбивое сердчишко его при выходе книги в свет! С каким трепетом, с какими надеждами носит он ее по книжным лавкам, по знакомым, по журналистам! Везде подслушивает, всюду замечает, что о нем говорят, впутывается сам в разговор и задолго еще до наступления первого числа месяца бежит в типографию проведать, что скажут о нем «Отечественные записки». И вот явилась книжка «Отечественных записок». Если, в пылу доброго намерения, журнал посвятит дрянной книжонке его серьезный разбор, где ясно докажет сочинителю, что писать не его дело, и будет заклинять его, именем здравого смысла, удержаться от пагубной страсти, — в какой ужас, в какое ярое, необузданное негодование приходит тогда маленький-великий человек! Кроткие увещания, внушенные состраданием, превращаются в глазах его в порождение зависти, в лицемерное посягательство на его гений, на

венок его будущей славы! Уязвленный в самое сердце, но более чем когда-нибудь убежденный в своем достоинстве, он принимается издавать брошюры против своих доброжелателей: бессильным жалобам его на несправедливость, пристрастие, личности журналов — нет конца и умолку; он даже готов принести официальную жалобу на своих благонамеренных судей... Что ж далее? Далее, о нем никто уже не говорит, его оставило даже небольшое число слушателей, привлеченных к нему первоначально дикостью его воплей и новостью нелепых претензий; имени его уже никто не произносит, даже в насмешку, но долго, долго еще, где-нибудь в темном захолустье литературы, раздается пискливый голосок его колоссально-мелкого самолюбия. Наконец, не дождавшись похвал журналистов и публики, он принимается хвалить сам себя, выставя на вид свои небывалые заслуги: он не щадит никаких усилий, не пренебрегает никакими средствами для приобретения известности и готов даже, пользуясь открытым в себе, при помощи услужливых приятелей и собственной проницательности, сходством с каким-нибудь великим человеком, выдать себя за прапраправнука Шекспира, внука Вальтера Скотта, только бы побольше «предъявить» миру прав на громкое имя. И все нет удачи! Но вот тщетность усилий, кажется, наконец охладила его рвение: имя его реже и реже появляется в печати и наконец исчезает. Публика не сожалеет; журналисты торжествуют, от души радуясь своему доброму делу. Увы, торжество преждевременное!..

Вот опять является брошюра с именем, которое уже знакомо журналам. Это он! да, точно он, только уже в другом виде: он значительно присмирел; посмотрите: он хвалит уже тех, которые его порицают, против которых сам же он, в пылу первого гнева, разослал столько бранных брошюр. Что это значит?.. Бедный мученик пагубной страсти к сочинительству! до чего дошел ты? Чтоб добиться вожделенных похвал, ты льстишь, ты поешь комплименты тем, которых прежде ругал и которых в душе считаешь врагами!.. Но журналисты, равнодушные некогда к брани маленького-великого человека, еще равнодушнее к похвалам его: они снова говорят ему напрямик горькую, убийственную истину... И что ж бы вы думали?.. Неудача последней попытки образумит его, возвратит на путь истинный, остановит от сочинительства?.. Увы, нет!.. И тогда, когда ни ожесточенные вопли ребяческого самолюбия, ни бессильная брань, ни умышленная лесть, ни безденежное рассылание публике брошюр о своей гениальности, ни даже похвалы в какой-нибудь газете, доступной состраданию при некоторых условиях, не помогут маленькому человеку вырваться из безвестности, назначенной ему судьбою, — осмеянный, изгнанный с литературной арены на самую последнюю ступень ее, он все еще не может преодолеть злейшего врага своего: собственного самолюбия, и продолжает нередко до самой могилы сочинительствовать... Жалки обрисованные нами выше литературные деятели из корысти, но еще более жалки отверженцы искус-

ства, зараженные страстью к сочинительству, и не первый ли долг критики останавливать, сколько возможно, столь пагубную страсть в самом ее начале, пока она не успела еще совершенно овладеть человеком? Вот почему «Отечественные записки» нередко говорили, и вперед намерены иногда говорить, о самых неутешительных явлениях нашей литературы с большим вниманием, чем они, по-видимому, заслуживают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.